

Без оглядки

Родословную украинской поэзии принято вести от Тараса Шевченко.

Первыми ростками "новой" поэзии стали стихотворения и поэмы Грицка Чубая (1949-1982), поднявшиеся на исходе недолгой оттепели после сталинской зимы. Чубай – пожалуй, первый после долгого времени крупный украинский поэт, писавший без оглядки на государственную идеологию. Не оглядывался он и на идеологию "национальную". Бытовавшие в советский период в андеграунде стихи Чубая стали образцом почти неданной в то время свободы.

Олег Лышега (1949) повстречался с Чубаем во Львове в начале семидесятых. По выражению долгое время прожившего во Львове русского писателя Игоря Клеха, "Чубай вынял из рук Лышеги Шевченко и Лесю Украинку и вложил книги Паунда и Элиота". Не случайно изданные в 1999 году в США "The Selected Poems of Oleh Lysheha. Translated by Oleh Lysheha and James Brasfield" были названы американским пен-клубом лучшей переводной книгой года. Лышега вернулся из истоптанной зоны культуры на пограничные территории первобытных навыков и инстинктов, на которых эта культура когда-то и зародилась. Осознание – прикосновения к дереву, камню, глине, жар от огня, ощущение боли – позволяют поэту "вспомнить", как складывалась человеческая психика. Во "вневременных" ландшафтах Лышеги проступает, однако, трагическая военная и послевоенная история Западной Украины.

Стихи Сергея Жадана (1974) вобрали едва ли не весь опыт украинской поэзии 20-го века – и апокалиптическое христианство поздних сборников Богдана-Игоря Антонюка (1909-1937), и стоицизм последней поэмы Чубая "Говорить, молчать, говорить снова", и "левизну" и революционность харьковских футуристов 20-х годов. Стихи Жадана, как и стихи Олега Лышеги, также опыт освоения поэзии англосаксонской. Например, на поверхности лежат переключки Жадана с битником Аленом Гинсбергом. Высокий поэтический стиль Жадана в сочетании с темами, продиктованными драматической и сумбурной "эпохой перемен", образовали и пока удерживают от распада перенасыщенную биосферу его поэзии.

Снег

(к картине П. Брейгеля "Рождество в Амстердаме")

В сны нарядившись и суеверья,
как на показ, пляшем мы
в закономерных снегах за дверью
танец случайностей этой зимы.

А музыкант к небу поднял трубу
и фанатично трубит что есть силы,
и ветки яблонь, как жилы на лбу,
из белой мглы проступили.

И такт все быстрее отбивает нога...
Значит, зря я старался упорно
в оттепель приручать снега
и слов в них бросал зерна...

В вершинах акаций омель шары
вмерзли в небесный лед,
и трое волхвов растеряли дары
в сугробах удач и невзгод.

Назад повернуть? Но позором их всех
накроет молва дурная.
И перед младенцем кладут они снег.
Но снег тает.

* * *

негромкий блюз вблизи поет
и след подков в лесу звящем
пророчит явственно исход
деревьев из прозрачной чащи

и в облетевшие сады
уже пора идти тебе
к рукам твоим змея воды
по ржавой приползла трубе

Олег ЛЫШЕГА

Пес

Он лежал в лесу, словно валун,
приподняв голову —
череп в паутине сухожилий.
На ветру взлетела и снова улеглась мертвая шерсть.
Из глубокой прелой листвы,
как из детской купели, молит он взглядом —
дай побыть одному.
В только-только разбуженном лесу
затянутся застарелые раны,
срастутся раздробленные суставы,
как деревья от соков, набухнут мышцы.
Пожелтевшие от морозов глаза
сорвутся с передних лап
и снова погонят большого зайца.
Молодая крапива, смилуйся над ним,
его сердце не выдержит твоей прыти,
и вашей тяжести, первые муравьи,
резво карабкающиеся
на чуть нагретый валун.
Он еще может встать и отряхнуться.
Или зарости крапивой,
как сгусток почерневшего снега.

Отец

Купание — для него это роскошь,
да еще в конце лета
в Ворони со взрослым сыном.
— Здесь когда-то был омут, —
он вошел и сразу поплыл,

выбрасывая вперед, казалось, не смоченные водой руки, —
так уже никто не плавает.
Сел посреди брода:
— Потрешь мне спину?
И пока я, наклонившись, его намыливал,
он смотрел, как бурлило
и поблескивало течение.
— Хватит — что-то голова закружилась.
Как слепой, выбрался на солнечный берег
и повалился лицом в траву.
Я никогда еще не видел так близко
его большое тело, подогнутые ноги
то ли в пятнах, то ли в тенях.
На миг он забыл
о наклонившемся над ним сыне,
что в конце далекого лета
посреди брода тер ему спину
на убыстряющейся,
рябой из-за листвы и облаков реке.

Сергей ЖАДАН

История культуры начала столетия

Ты ответишь еще сегодня, во тьме трогая теплые буквы,
перебирая их, путая гласные и согласные,
как машинистка в старой варшавской конторе.
Строк тяжелые соты
тускнеют тем золотом, из которого цедится речь.
Пиши, только без остановок, протопчи эти черные тропы
в белых пустотах страницы.
Из ночных долгих странствий никто не вернется
и забытые всеми улитки умирать станут в мокрой траве.

В белых снегах, как в салфетках, задворки Центральной Европы.
Цыганской ленивой пластичности я верил всегда,
не каждому ведь выпадает этот затертый пятак.
Если бы ты заглянула в их паспорта,
что пахнут шафраном, горчицей,

если бы ты услышала их битые аккордеоны,
с запахом кожи и специй арабских,
они говорят — если едешь куда-то,
лишь удаляешься, ближе не будешь, чем есть;
когда граммофонов кончаются песни,
то масло из них вытекает,
как красный суп
из пробитых консервов.

Время и вправду проходит, но только так близко,
что, присмотревшись, различаешь
его потерявшие упругость волокна
и шепотом повторяешь за ним его фразы,
словно хочешь, чтоб после, когда-то,
твой голос узнав, можно было сказать —
тяжелая, как бомбовоз, так подымалась эпоха,
так развернулась, за бортом оставляя
планеты погасшие и коммутаторов сбои,
с плесов подняв диких уток,
что, разлетаясь, перекричали
грузчиков,
бога
и баржи.

В институте ты выбрала курс и теперь тебе следует знать —
культура начала столетия
уже отпечаталась венами на твоей осторожной руке,
укоренилась на сломах жестких волос,
что собраны кое-как на ветру, над пальцами взвезены,
как рукомойника теплые струи,
как разноцветные бусы из глины над пепельницами и чашками чая,
как осеннее длинное небо
над кукурузным полем.

Перевел с украинского Андрей ПУСТОГАРОВ
Москва